

□ **Андрей Д. КАКСИН**

**ХАКАССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.Ф. Катанова
1939

О ТИПАХ ЯЗЫКОВ ПО СПОСОБАМ ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МИРАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХАНТЫЙСКОГО И ХАКАССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

Статья посвящена обоснованию важнейшей роли особых слов и частиц, а также – в ряде языков – специальных грамматических маркеров, в выражении эвиденциальности и миративности в естественном языке. В любом языке эти языковые единицы со специфическим оценочным, характеризующим и эпистемическим зарядом играют незаменимую роль в выражении указанных значений. В примерах представлен материал двух агглютинативных языков – хантыйского и хакасского.

Ключевые слова

семантико-грамматическая категория, эвиденциальность, миративность, способы выражения, типы языков, хантыйский язык, хакасский язык

ABOUT TYPES OF LANGUAGES ON WAYS OF EXPRESSION OF AN “EVIDENCE” AND “ADMIRATION” (ON MATERIAL OF THE KHANTY AND KHAKASS LANGUAGES)

Abstract

Article is devoted to justification of the major role of special words and particles and also – in a number of languages – special grammatical markers, in expression of an “evidence” and “admiration” in a natural language. In any language these language units with the specific estimated, characterizing and epistemic charge play an irreplaceable role in expression the evidence and admiration of senses. In examples material of two agglutinative languages – Khanty and Khakass is presented.

Key words

semantic-grammatical category, evidentiality, “admiration” sense, ways of expression, types of languages, Khanty language, Khakass language

В последние два десятилетия понятие языковой модальности стало очень широким и неопределенным, и мы думаем, что в описаниях разных языков необходимо структурировать “модальность”, другими словами – разделить модальность и другие семантико-грамматические категории этого уровня. В данной статье на материале двух агглютинативных языков анализируются средства выражения семантико-грамматических категорий эвиденциальности и миративности. Более конкретно – под этим углом зрения рассматриваются формы категории глагольного наклонения в указанных языках и тяготеющие к ним частицы и другие служебные слова.

Менее изученным в данном направлении нам представляется хантыйский язык. Модальность, эвиденциальность и миративность в хантыйском языке еще не были предметом специального исследования; в работах финно-угроведов упоминается только о некоторых средствах выражения модальных и эвиденциальных значений в хантыйском языке. Грамматические описания и словари хантыйского языка содержат мало информации по глагольным наклонениям, модальной и эвиденциальной лексике. Таким образом, статья посвящена изложению результатов исследования лексических и грамматических средств выражения модальности, эвиденциальности и миративности в агглютинативных языках, и, таким образом, представляет собой опыт системного описания модальности и двух семантико-грамматических категорий уровня модальности (эвиденциальности и миративности).

Проблематика типологического изучения различных языков также нашла отражение в статье. Эта проблематика, как известно, остается в центре внимания современной лингвистики ввиду практической значимости главных положений языковой типологии для задач преподавания того или иного языка на базе родного. Актуальность исследования становится более очевидной, если учесть, что в теоретическом плане вопрос о категориях эвиденциальности и миративности и их соотношении с категорией модальности в языкознании исследован недостаточно. Также не в полной мере выявлен семантический потенциал косвенных наклонений многих языков, недостаточно изучено взаимодействие семантико-грамматических категорий, а также взаимодействие этих категорий с другими категориями подобного уровня в агглютинативных языках. К примеру, в финно-угорских языках вне поля зрения грамматик остается целый ряд морфологизованных глагольных конструкций, аналитических форм и сочетаний, выражающих модальные, эвиденциальные и другие подобные значения.

Современный хантыйский язык – прежде всего его диалекты; литературный хантыйский язык (в строгом понимании) еще не сложился, но в качестве такового выступает та форма хантыйского языка, основой которой послужил казымский диалект. На этом диалекте пишут журналисты окружной национальной газеты “Ханты ясаң” (“Хантыйское слово”). По вопросу о диалектном членении хантыйского языка в нашей работе принимается классификация В. Штейница: констатируются три диалектные группы (северная, южная,

восточная), а атлымский и салымский диалекты характеризуются как смежные, или промежуточные (Штейниц, 1937: 194-196). В качестве примеров приводится материал казымского диалекта, выбранный из газетных текстов (помета “ХЯ” с датой выхода) и полевых материалов автора (помета “ПМА” с указанием года записи).

Для исследователей модальности в языках индоевропейской семьи и в других ностратических имеют значение две авторитетные традиции изучения этого явления. В европейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. По мнению французского лингвиста, в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в которую заключается суждение (оценка) говорящего относительно диктума. Ш. Балли разделяет модусы на эксплицитные и имплицитные. Главная часть сложноподчиненного предложения (с придаточным “дополнения”) считается основной формой выражения эксплицитного модуса. Таким образом, модальность трактуется Балли как категория предложения, а в ее выражении первостепенную роль играют модальные глаголы, требующие распространения (Балли, 1955: 69-82).

Этой концепции придерживаются многие грамматисты, прежде всего – исследователи европейских языков, в которых есть системы абсолютных/ относительных времен и перфекта. Например, в рамках этого подхода можно адекватно описывать предложения с формами конъюнктива в немецком языке, что и было сделано в свое время В. Флемингом (Flämig, 1959). При таком взгляде в описываемое поле модальности попадают прежде всего те значения (и их варианты), которые выражаются модальными глаголами (или с участием модальных глаголов) типа нем. *müssen, sollen, können, wollen, mögen, dürfen*. Авторы же академических “Основ немецкой грамматики”, идя от содержания, выделяют в качестве модальных значения реальности и нереальности, повелительности, возможности и невозможности, оптативности, уверенности и неуверенности, в т.ч. предположительности и вероятности (Grundzüge einer deutschen Grammatik, 1981).

Другая линия изучения модальности, главным образом – в русистике, идет от академика В.В. Виноградова, который дал достаточно широкое толкование категории модальности. Его работы, посвященные проблеме модальности, начиная с самой первой (Виноградов, 1950), до сих пор очень важны для лингвистов, занимающихся изучением различных аспектов данного вопроса. По мнению академика, если категория предикативности выражает общую соотношенность содержания предложения с действительностью, то отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности, есть прежде всего модальное отношение. В лингвистическом энциклопедическом словаре модальность названа функционально-семантической категорией (Лингвистический энциклопедический..., 1990: 303), и с позиций функциональной лингвистики проблематикой модальности занимались А.В. Бондарко и его сотрудники. С точки зрения А.В. Бондарко, в ходе лингвистических исследований границы употребления термина *модальность* утратили свою определенность. По мнению А.В. Бондарко, большая часть известных концепций не выходит за пределы определенного, хотя и довольно широкого круга языковых явлений и средств их выражения. В коллективной работе под редакцией А.В. Бондарко (1990) выделяется шесть типов модальных значений, обеспеченных различными средствами выражения (грамматическими, лексическими, интонационными): 1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения

реальности / ирреальности. 2. Оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности. 3. Оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого. 4. Целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания. 5. Значения утверждения/ отрицания, отражающие наличие/ отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, о которых идет речь в предложении. 6. Эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания (Темпоральность..., 1990: 67-68).

Таким образом, авторы упомянутого труда (А.В. Бондарко и др.) явным образом придерживаются широкой трактовки модальности, включая в эту сферу все выявленные ими типы модальных значений, исключая только значения утверждения/ отрицания и обоих видов оценки, т.е. это продолжение и развитие концепции академика В.В. Виноградова. Широко понимать модальность в данном случае помогает теория поля, в котором выделяются ядро и периферия. А далее в этой модели функциональной грамматики на передний план выдвигается анализ типовых категориальных ситуаций в их многоступенчатой вариативности (Темпоральность..., 1990: 244).

Мы в целом принимаем данный набор модальных значений, думаем, что они существенны и в хантыйском языке, все составляют поле модальности, за исключением значений утверждения/ отрицания и качественной оценки, которые в каких-то случаях могут “подправлять” модальное значение, но непосредственно к модальным не относятся. В своей характеристике категорий модальности, эвиденциальности и миративности мы опираемся на суждения о категориях хантыйского глагола, которые высказаны исследователями в последние десятилетия (Черемисина, Ковган, 1989; Черемисина, 1992; Николаева, 1995).

Но мы знаем также, что многие авторы, напротив, отстаивают более узкое понимание модальности, ограничивая ее несколькими значениями из перечня, приведенного в коллективной работе. При этом, как правило, устанавливают иерархию модальных значений. За инвариант принимается объективная модальность – значения времени и реальности/ ирреальности, заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий времени и наклонения. Значения, в которых заключено отношение говорящего к содержанию высказывания, называются при этом субъективно-модальными. Указывается также, что они выражаются средствами различных уровней языка – интонацией, грамматическими конструкциями, лексикой, словорасположением, тесно взаимодействующими друг с другом. Такое понимание модальности представлено во многих работах, особенно учебного характера. Например, в учебнике для вузов объективной модальностью называется категория, которая обязательна для любого предложения, а стандартным средством ее оформления признается категория наклонения. Напротив, субъективная модальность, по автору, выражает отношение говорящего к сообщаемому и не является обязательной; она может оформляться различными лексическими средствами, например, вводными словами, модальными частицами, междометиями (Кронгауз, 2001: 234).

Мы придерживаемся широкой трактовки понятия “модальность”, но при этом эвиденциальность и миративность рассматриваем как отдельные категории, реализующиеся в формах эвиденциальных и миративных наклонений; по другой

терминологии – признается наличие эпистемической модальности и эпистемологических наклонений (Козинцева, 1994: 98; Черемисина, 1992: 206).

Модальность, эвиденциальность и миративность в хантыйском языке – грамматические категории, поскольку выражаются грамматическими формами наклонения-времени. Другими словами, они полностью соответствуют основным понятиям грамматики, принятым в общем языкознании: грамматическая категория – система противопоставленных друг другу рядов *грамматических форм* с однородными значениями; в свою очередь, грамматическая форма – это языковой знак, в котором *грамматическое значение* находит свое регулярное (стандартное) выражение, а грамматическое значение – обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов (Лингвистический энциклопедический..., 1990: 115-117).

Ряд грамматических форм образует парадигму той или иной категории. В понятии *форма*, применяемом при анализе парадигм, может быть усмотрено несколько употреблений. Говорят вообще о форме той или иной категории: это “форма наклонения”, “временная форма” и т.п. Другой случай – когда имеется в виду одна определенная форма из числа составляющих парадигму, например форма изъявительного наклонения. В этом случае указывается категориальное значение формы, вытекающее из ее оппозиции другим формам данной грамматической категории. Термин “форма” в нашей работе употребляется в обоих названных смыслах, а также для обозначения синтаксической функции (финитная/ инфинитная форма) и способа выражения грамматического значения (синтетическая/ аналитическая форма).

Основу парадигмы грамматической категории составляют синтетические формы, в которых лексическое значение основы и вносимое переменное грамматическое значение выражаются в одном слове. Но в парадигму могут быть включены и аналитические формы, если они выражают какое-либо грамматическое значение, входящее в содержание категории. Аналитическая форма – сложное слово, в составе которого носителем грамматических значений является вспомогательный элемент, а знаменательная часть либо не изменяется, либо выражает категории согласовательного типа.

К понятиям финитности/ инфинитности исследователи обращаются при описании грамматического строя многих разноструктурных языков: эти понятия составляют содержание категории репрезентации. Употребление данной терминологии позволяет более точно характеризовать функции глагольных форм. Финитными называются все формы “собственно глагола”, глагола в узком смысле этого термина, которые в предложении бывают простыми глагольными сказуемыми. Финитным формам противопоставляются инфинитные, которые в разных языках представлены очень разными – и количественно, и качественно – наборами форм (причастия, деепричастия, герундии, супины, имена действия). В хантыйском языке система инфинитных форм небогата: здесь всего одно деепричастие (с показателем =ман) и два причастия (Черемисина, Ковган, 1989: 5-6). Но инфинитные формы в хантыйском языке способны выступать в функции конечных глагольных форм в предложении. Именно это обстоятельство позволяет говорить о наличии в хантыйском языке отдельных форм наклонения неочевидного действия и эвиденциалиса (последние являются также

формами перфекта).

Вернемся к модальности и категориям ее уровня. Модальность, как известно, – категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого (Лингвистический энциклопедический..., 1990: 303-304). Эвиденциальность нужно понимать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации (Козинцева, 1994: 92; Плунгян, 2000: 321). Миративность представляется как значение неожиданности: нечто новое еще не является частью картины мира говорящего (Скрибник, 1998: 205). Далее для нас важно то, что главным средством грамматического оформления модальности, эвиденциальности и миративности является категория глагольного наклонения, в хантыйском, как и во многих других языках, сопряженная с категорией глагольного времени.

Традиционно “наклонение” по отношению к “времени” считается категорией более высокого порядка: изменение по временам происходит после того, как глагольная форма уже мыслится принадлежащей к определенному наклонению. Материал множества языков (в том числе хантыйского и мансийского) позволяет говорить об определенной схеме взаимоотношений двух названных категорий. Наклонение и время в этих языках можно рассматривать как одну *гиперкатеорию* “наклонения-времени”. Целесообразность такого подхода отстаивается многими лингвистами, особенно теми, кто занимается языками агглютинативного строя. Формально-структурное объяснение этому явлению дает *грамматика порядков*. Сама грамматика порядков в своей завершенности сложилась к середине 70-х годов 20 в. когда была реализована применительно к тюркским языкам. После этого она сама стала служить инструментом анализа некоторых сложных вопросов грамматики, в том числе проблемы сопряженности категорий наклонения и времени. Объяснение этой сопряженности с помощью понятия “порядок” представлено, в частности, в работе В.С. Храковского и А.П. Володина (1986), в которой сформулировано следующее положение: нет двух порядков отдельно для наклонения и отдельно для времени, а есть один порядок для двух категорий. Наклонение характеризует реальность/ нереальность сообщаемого факта с точки зрения говорящего. Определение времени характеризует такие явления, которые составляют часть явлений, характеризуемых категорией наклонения. Нет различных временных и модальных отношений, а есть реальные (временные) и нереальные (не-временные) отношения, которые в агглютинативных языках, - а можно думать, и в любых других, - не выражаются совместно в одной глагольной словоформе (Храковский, Володин, 1986: 64-67).

В хантыйском языке ситуация выглядит именно так. Собственно финитные формы хантыйского глагола (к ним мы относим и аналитические) выражают временные значения (т.е. значения реалиса) или не выражают время (имеют значения ирреалиса). Это формы индикатива, императива и других косвенных наклонений (кроме эвиденциалиса и миратива):

И хой камн вера сыяңа ўвл? (ПМА 1986) ‘Кто там на улице так громко кричит?’; Упен пила мулхатл хўв пугартсум (ПМА 1987) ‘С твоей старшей сестрой вчера долго разговаривала’;

Айлат ёх иситы омася *яксат* мултыкем пуш. Кашинг як муй па ар ариюм юпийн, мунг хув мар ёшпатлув вотся сэнгкман *лосьув* (ХЯ 17.04.99) ‘Молодые люди также забавно *плясали* несколько раз. После каждого танца и каждой песни мы долго, хлопая в ладоши, *стояли*’. Семантика этих форм описана достаточно подробно на материале обдорского диалекта хантыйского языка (Николаева, 1995: 121-125).

Эвиденциалис в хантыйском языке – аналитические формы перфектного типа (результатив, статальный пассив, статив). Эвиденциальность и перфектность в данном случае выступают как две стороны “одной медали”:

Хута ма наңен хулые каталлум, кат пелкемн иса еңк. Хулыет туманан *лап тохарман* ‘Где я тебе рыбку поймаю? По обе стороны один лед. Рыбки на замок *заперты*’; Кат пелкал карась воншийн, нохар юхн *эмуман*, мулты арат пусл, юхан, лор сята ‘Оба берега реки *заросли* высокими соснами, кедрами; дальше бесчисленное количество протоков, речушек, озер’; Хутты лув *шавиман вол*, ма ан номлэм ‘Где-то он *похоронен*, я не помню’; Наң муй мулхатл юхтыйлсан? – Юхтыйлсум. Овн туманан *пунман вос* ‘Ты вчера приходил? – Приходил. Дверь ваша на замок *закрыта была*’. Примеры подобного рода также рассматривались ранее (Николаева, 1995: 149-153; Каксин, 2000: 55-74).

Миратив в хантыйском языке – это причастные формы в финитном употреблении; о них уже достаточно много писали (Николаева, 1995: 126-132; Каксин, 2000: 75-96), здесь приведем только ряд примеров:

Щиталн хõнтты шурумтас – ма *вантмем!* (ПМА 1986) ‘И когда он вострепнулся – я *не заметил, оказывается!*’; Тãm йõшиие хўват хоят щи *шõшийлмал* (ПМА 1986) ‘По этой тропинке уже кто-то *ходил, оказывается!*’; Тãm кõрт вулэва ёх щи *юхтыйлттэл* (ПМА 1987) ‘На это наше насиженное место кто-то *приезжает, оказывается!*’.

Покажем важную роль и возможности категории эвиденциальности–миративности и на материале хакасского языка. Для этого внимательнее перечитаем тексты мастеров слова, творцов художественных произведений. Для выявления средств выражения эвиденциальности–миративности проанализируем текст романа Н.Г. Доможакова “Ыраххы аалда” (“В далеком аале”). Выберем отрывки из этой книги на русском языке в художественном переводе. Итак, в начале романа нами выявлено несколько ярких фрагментов, где в хакасском оригинале использованы средства выражения эвиденциальности–миративности. Представим несколько примеров.

Волостьтаң сурағчы *килтiр* (Ыа: 79) ‘Из волости следователь *приехал, оказывается!*’.

Кычың Пычонның хойын чар парарға *килтiр* (Ыа: 250) ‘Кычын *пришел, оказывается!*, чтобы отделить овец Пычона’.

Эне зе, Хапың, *таныс полтырзар*. Арса, пiрее чарғы-чахаан пирген поларлар? – сурча Хапыңнаң (Ыа: 262) ‘*Оказывается*, Хапын, *вы знакомы*. Может быть, какое-то указание они дали? – спрашивает у Хапына’.

О подобных частицах и формах в соответствующих контекстах, которые активно используются в алтайском языке, написано достаточно подробно; см. напр.: (Скрибник, Озонова, 2007).

И, в заключение, основной вывод, который сводится к следующему: имеется достаточно

много языков, в которых есть специальные грамматические формы для выражения эвиденциальных и миративных значений. В связи с чем, наряду с категорией модальности, необходимо выделить еще как минимум две функционально-семантические категории ее уровня – категории эвиденциальности и миративности. Все функционально-семантические категории одного уровня (модальность, эвиденциальность, миративность) могут иметь парадигму соответствующего наклонения (или ряда наклонений) глагола, формами которого они выражаются. Хантыйский язык может служить примером именно такого языка (это первый тип в нашей классификации). Русский язык представляет противоположный тип (в нашей классификационной схеме – третий): в нем анализируемые значения выражаются преимущественно лексически и интонационно. А хакасский язык (как и другие тюркские) – это промежуточный тип, средний вариант, второй тип в нашей схеме. В хакасском языке есть, конечно, и лексические, и интонационные средства, но нет специализированной глагольной формы, которую можно было бы назвать формой наклонения (наподобие *эвиденциалиса* в хантыйском языке). Зато в нем представлено много других форм сказуемого (по большей части – аналитических), с помощью которых всегда и выражаются эвиденциальные и миративные значения.

Литература

Штейниц В. К. (1937). *Хантыйский (остяцкий) язык*, Языки и письменность народов Севера. Часть I. – М.-Л: Учпедгиз, с. 193-227.

Балли Ш. (1955). *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Пер. с франц. – М: Изд-во иностранной литературы.

Flämig W. (1959). *Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart*. Inhalts und Gebrauchswesen. Berlin: Akademie Verlag.

(1981). *Grundzüge einer deutschen Grammatik*, Berlin: Akademie Verlag.

Виноградов В. В. (1950). *О категории модальности и модальных словах в русском языке*, Труды Института русского языка АН СССР. Т.2. – М.-Л..

(1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*, Главный редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия.

Отв. редактор А. В. Бондарко (1990). В серии: *Теория функциональной грамматики* Темпоральность. Модальность, Л: Наука.

Черемисина М. И. (1989). *Ковган Е.В. Хантыйский глагол: Методические указания к курсу "Общее языкознание"*, Новосибирский государственный университет, Новосибирск.

Черемисина М. И. (1992). *Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие*, НГУ. – Новосибирск.

Николаева И. А. (1995). *Обдорский диалект хантыйского языка*, MSUA. Heft 15, М: Гамбург.

Кронгауз М. А. (2001). *Семантика: Учебник для вузо*, Рос. государственный гуманитарный университет, М.

Козинцева Н. А. (1994). *Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)*, Вопросы языкознания, № 3. – с. 92-104.

Плунгян В. А. (2000). *Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие*, М: Эдиториал УРСС.

(1998). *Скрибник Е.К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика)*, Языки коренных народов Сибири. Сборник научных трудов, ИФ СО РАН. – Новосибирск, с. 197-215.

Храковский В. С. (1986). *Володин А.П. Семантика и типология императива*, Русский императив. – Л: Наука.

Каксин А.Д. Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.

Скрибник Е. К, ред. В. С. Храковский (2007). *Ознова А.А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке*, Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой, Ин-т лингвистических исследований РАН; отв, СПб.: Наука, с. 519-551.

Список сокращений

ПМА – *Полевые материалы автора* (по хантыйскому языку; собраны в период 1985-2001 гг. в селе Казым Белоярского района Тюменской области)

ХЯ, (1957). *Материалы газеты “Хянты ясанг” (“Хантыйское слово”)*, Издается в Ханты-Мансийске с года.

Ба – Доможаков Н. Г. (2010). *Ыраххы аалда. В далеком аале. Роман. На хакасском и русском языках*. Абакан: Хакасское книжное издательство.

Ханты

Источник: admhmansy.ru

Хакас

Источник: admhmansy.ru r-19.ru